

К Е Н
ФОЛЛЕТТ

К Е Н
ФОЛЛЕТТ

ОБРАТНЫЙ ОТСЧЕТ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84 (4Вел)-44
Ф75

Серия «Ф.О.Л.Л.Е.Т.Т.»

Ken Follett

CODE TO ZERO

Originally published in English by Pan Macmillan.

Перевод с английского *Н. Холмогоровой*

Компьютерный дизайн *О. Жуковой*

Печатается с разрешения автора.

Фоллетт, Кен.

Ф75 Обратный отсчет : [роман] / Кен Фоллетт ; [пер. с англ. Н. Холмогоровой]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 352 с. — (Ф.О.Л.Л.Е.Т.Т.).

ISBN 978-5-17-082989-7

Человек, одетый в отрепья и потерявший память, даже не знает пока, что он — доктор Люк Люкас, известный ученый, работавший над созданием нового американского искусственного спутника. Но амнезия не длится вечно, и это хорошо известно людям, готовым пойти на все, чтобы не дать Люкасу вернуть свое прошлое, — или попросту убрать его, если не сработают другие методы. Кто же охотится за ученым и заманивает его в сети? Конкуренты? Иностранцы шпионы? Или, напротив, — агенты ЦРУ, у которых есть собственные причины считать Люкаса опасным? Люк, оказавшийся в центре изощренной шпионской игры, не понимает, кто ему друг и кто — враг, кому можно доверять, а от кого следует бежать без оглядки...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Ken Follett, 2000

 Школа перевода В. Баканова, 2015

ISBN 978-5-17-082989-7

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Запуск первого американского искусственного спутника Земли «Эксплорер-1» вначале был назначен на среду 29 января 1958 года, однако был отложен на следующий день — по официальной версии, из-за погодных условий. Наблюдателей на мысе Канаверал это немало удивило: ведь во Флориде стоял ясный солнечный день. Тем не менее командование заявило, что может помешать сильный ветер в верхних слоях атмосферы.

На следующий вечер запуск был снова отложен — с тем же объяснением.

«Эксплорер-1» взлетел лишь в пятницу 31 января.

«...С самого своего возникновения в 1947 году Центральное разведывательное управление... истратило миллионы долларов на поиск химических веществ или иных тайных методов, позволяющих полностью контролировать сознание обычных людей, как желающих, так и не желающих этого: заставлять их действовать, говорить, выдавать самые тщательно охраняемые секреты и даже забывать по приказу».

Томас Пауэрс, из предисловия к книге Джона Маркса «В поисках «маньчжурского кандидата»: ЦРУ и контроль над разумом»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

5.00

Ракета «Юпитер-Си» стоит на стартовой площадке «Комплекс 26» космодрома на мысе Канаверал. Из соображений секретности корпус ее укрыт брезентом: видна лишь хвостовая часть — такая же, как у известной баллистической ракеты «Редстоун». Но то, что скрывается под брезентом, не имеет аналогов в мире военной техники.

Он проснулся в страхе.

Нет, хуже — в ужасе. Тело напряжено, как струна, сердце отчаянно колотится, воздух вырывается из легких резкими толчками. После пробуждения легче не стало, — и наяву его не оставляла уверенность: случилось что-то страшное. Вот только понять бы что.

Он открыл глаза. Слабый свет, сочащийся из соседнего помещения, тускло обрисовывал очертания предметов. Обстановка вокруг казалась смутно знакомой. Где-то рядом журчала вода.

Он попытался успокоиться. Сглотнул, несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул, сосредоточился на своих ощущениях. Жесткий пол. Холодно. Ломит все тело, раскалывается голова, сухо во рту, к горлу подступает тошнота, словно с похмелья.

Дрожа от холода и страха, он сел. В ноздри ударила вонь мощного средства с хлоркой. В сумраке у противоположной стены белела шеренга умывальников.

Он в общественной уборной.

Ничего себе! Уснул на полу в мужском сортире! Что, черт возьми, с ним стряслось? Так... он полностью одет — пальто, тяжелые ботинки. Однако одежда кажется чужой... Паника постепенно отступала, сменяясь иным, более глубоким страхом.

Нужен свет.

Он поднялся на ноги, вглядываясь во мрак, пытаясь понять, где дверь. Вытянув руки перед собой, чтобы не наткнуться на что-нибудь невидимое, добрался до ближайшей стены и боком, по-крабьи, двинулся вдоль нее. Рука нащупала что-то холодное и гладкое — должно быть, зеркало; за ним — раздатчик бумажных полотенец, какой-то железный ящик, возможно, торговый автомат. Наконец пальцы легли на выключатель.

Яркий свет залил белые кафельные стены, бетонный пол, ряд туалетных кабинок с приоткрытыми дверцами, кучу старого тряпья в углу. Как он сюда попал? Что с ним произошло?

Истерический страх вновь подступил к горлу, когда он осознал, что ничего не помнит.

Что было с ним вчера? А позавчера? Неизвестно. Пустота. Как его зовут?

Он повернулся к умывальникам. Зеркало отобразило грязного бродягу — в лохмотьях, всклокоченного, с безумным взглядом выпученных глаз. Пожалуй, не меньше секунды он смотрел на этого бродягу, не понимая, что видит. А потом понял — и отшатнулся с криком; человек в зеркале сделал то же самое.

Не в силах больше сдерживать панику, он воскликнул дрожащим голосом:

— Кто я?!

* * *

Куча тряпья в углу зашевелилась. Из нее возникла голова, и невнятный голос проворчал:

— Чего орешь, Люк? Ты такой же босяк, как я!

Люк. Его зовут Люк.

Даже за эту крупицу знания он готов был благодарить судьбу. Имя — не слишком много, но хоть какая-то опора.

Он взглянул на своего товарища: драное пальто, подпоясанное веревкой, хитрая чумазая физиономия.

— Ох, черт, как башка трещит! — пробормотал тот, протирая глаза.

— А ты кто? — спросил Люк.

— Да я это, дурачина! Я, Пит! Что, не узнал?

— Я не... — Люк судорожно сглотнул, подавляя панику. — Я ничего не помню!

— Неудивительно. Ты вчера, почитай, целую бутылку бурбона вылакал в одиночку! Чудо, что совсем не свихнулся. Лучше бы мне побольше оставил! — облизнувшись, добавил Пит.

Бурбон... что ж, тогда понятно, откуда похмелье.

— А зачем я выпил целую бутылку?

Пит громко заржал.

— Совсем с катушек съехал? Чтобы напиться, само собой, зачем же еще!

Люк почувствовал, что кафельный пол уходит из-под ног. Итак, он бродяга. Пьяница. Ночует в общественных туалетах.

Страшно хотелось пить. Он склонился над раковиной, открыл воду, жадно сделал несколько глотков прямо из-под крана. От холодной воды стало чуть лучше, и он осмелился снова взглянуть на себя в зеркало.

Теперь его лицо стало спокойнее; безумный взгляд исчез, сменившись недоумением. Зеркало показало человека лет под сорок, темноволосого и голубоглазого. Ни усов, ни бороды — только густая темная щетина.

— Люк... а дальше? — спросил он, повернувшись к своему товарищу. — Как моя фамилия?

— Люк... а хрен тебя разберет. Мне-то откуда знать?

— Как я до такого дошел?

— Знаешь, — сказал, поднимаясь на ноги, Пит, — по-моему, нам обоим пора подкрепиться.

Только сейчас Люк почувствовал, что голоден. Интересно, есть ли у него деньги? Он обшарил карманы: пальто, пиджак, брюки... везде пусто. Ни денег, ни бумажника, ни даже носового платка.

— Похоже, я на мели.

— Да неужто? — саркастически откликнулся Пит. — Ладно, пошли. — И побрел к дверям.

Люк двинулся следом.

На свету его ждало новое потрясение. Он оказался в огромном храме, пустом и загадочно молчаливом. Словно в церкви, в ожидании призрачной паствы, выстроились рядами на мраморном полу скамьи красного дерева. По периметру огромного зала на высоких колоннах застыли фантастические каменные воины в шлемах и со щитами — стражи святилища. Высоко над головой простерся белоснежный свод потолка, расписанный золотистыми восьмиугольниками. У Люка мелькнула безумная мысль: что, если он потерял память, став жертвой какого-то чудовищного обряда?

— Что это за место? — спросил он вполголоса в благоговейном страхе.

— Вокзал Юнион-стейшн, — ответил Пит.

Люк выдохнул с облегчением: происходящее обрело смысл. Теперь он заметил и грязь на стенах, и комок жвачки на мраморном полу, и конфетные обертки и окурки по углам. Ну конечно! Просто вокзал — ранним утром, когда еще нет пассажиров. Он сам нагнал на себя страху, словно ребенок, которому в темной спальне мерещатся чудовища.

Пит двинулся к арке с надписью «Выход», и Люк поспешил за ним.

— Эй! Эй, вы двое! — послышался грубый голос откуда-то сбоку.

— Вот черт! — пробормотал Пит и ускорил шаг.

К ним приближался толстяк, затянутый в железнодорожную форму — и явно кипящий от праведного гнева.

— Вы что здесь делаете, а? Бродяги чертовы!

— Уже уходим, уже уходим! — униженно пролепетал Пит.

Люку стало противно, но он промолчал.

Однако толстяку, как видно, мало было просто их выгнать.

— Вы что, здесь ночевали? — продолжал он, следуя за ними по пятам. — Вы же знаете, это запрещено!

Люк почувствовал, что закипает от гнева. Какого черта посторонний жирдяй распекает его, словно мальчишку? Впрочем, в конце концов он действительно ночевал в этой проклятой уборной.

— Здесь вам не ночлежка, уроды вонючие! — надрывался толстяк. — А ну проваливайте! — И толкнул Люка в плечо.

Люк резко обернулся.

— Не смейте меня трогать! — Он сам поразился холодной угрозе, прозвучавшей в его голосе. Толстяк-железнодорожник застыл, как вкопанный. — Мы уходим. Ничего больше не надо ни говорить, ни делать. Ясно?

Толстяк попятился, глядя на него с нескрываемым страхом.

— Пошли, пошли! — поторопил Пит.

В следующий миг Люку стало стыдно. Пусть этот парень — грубиян, но вокзальный служащий имел полное право выгнать бродяг. Зачем его запугивать?

Вместе с Питом он вышел через величественную арку в темноту. Перед входом в вокзал были припаркованы несколько машин. Стоял колючий холод, и Люк плотнее запахнулся в истрепанное пальто. Зима в Вашингтоне, морозное зимнее утро. Должно быть, январь или февраль.

Интересно, какой сейчас год?

Пит повернул налево; он явно знал, куда идти.

— Куда мы? — спросил Люк.

— На Эйч-стрит есть благотворительная столовка. Споешь гимн-другой — и получишь бесплатный завтрак.

— Я так голоден, что готов и ораторию исполнить!

Пит уверенно шагал по узким извилистым улочкам мимо многоквартирных домов для бедноты. Город еще спал: магазины, закусочные, газетные киоски — все закрыто. Бросив взгляд на окно первого этажа с дешевыми блеклыми занавесками, Люк вообразил себе неведомого хозяина этой квартиры — как он лежит сейчас под теплым одеялом, а под боком у него посапывает

жена — и ощутил укол зависти. Что-то подсказывало ему, что его место здесь, в предрассветном сообществе людей, спешащих по своим делам, когда прочие еще спят. Вот рабочий в грубой одежде идет на работу; вот крутит педали велосипедист, закутанный в огромный шарф; вот проезжает мимо автобус, и в ярко освещенном салоне курит единственная пассажирка...

Мучительные вопросы крутились в голове и не давали покоя. Долго ли он пьет? Пробовал ли бросить? Есть ли у него родные, друзья? Как он познакомился с Питом? Где они раздобыли выпивку? Где пили? Но Пит молчал, и Люк сдерживал свое нетерпение: он надеялся, что, перекусив, его спутник станет поразговорчивее.

Впереди показалась церковь; маленькая и непрезентабельная с виду, она втиснулась между кинотеатром и табачной лавкой. Бродяги вошли в боковую дверь, спустились по лестнице в подвал и попали в длинную комнату с низким потолком. С одной стороны — небольшое возвышение и рояль, с другой — плита. Между ними три ряда длинных деревянных столов со скамьями. Здесь уже сидели трое бродяг, каждый за отдельным столом, и терпеливо ждали. У плиты плотная женщина помешивала какое-то варево в кастрюле. Седобородый мужчина в воротничке священника, заметив новопривывших, поднял взгляд от кофеварки и улыбнулся.

— Заходите, заходите! — приветливо заговорил он. — Идите сюда, в тепло!

Люк бросил на него подозрительный взгляд.

В подвале действительно было тепло, после ветра и мороза на улице — даже жарко. Люк расстегнул заскорузлое от грязи пальто.

— Утро доброе, пастор Лониган! — поздоровался Пит.

— Вы здесь уже бывали? — спросил пастор. — Что-то я вас не припомню.

— Я Пит, а это Люк.

— Надо же — Петр и Лука, как два апостола! — Улыбка и добрый юмор пастора казались вполне искренними. — Завтрак еще не готов, но у нас есть свежий кофе.

Удивительно, подумал Люк. Каждый день встает ни свет ни заря, чтобы накормить завтраком толпу бомжей — и ему еще хватает сил шутить и улыбаться!

Тем временем пастор разлил кофе по толстостенным кружкам.

— Молоко, сахар?

Любит ли он кофе с молоком? С сахаром? Этого Люк не знал.

— Да, спасибо, — ответил он наугад и, приняв кружку, сделал большой глоток.

Кофе показался ему тошнотворно сладким. Значит, «в прошлой жизни» он пил черный без сахара. Впрочем, напиток утолял голод — и Люк быстро прикончил всю кружку.

— Через несколько минут мы вместе помолимся, — проговорил пастор. — А тем временем подоспеет знаменитая овсянка миссис Лониган!

К этому моменту Люк убедился, что его подозрения беспочвенны. Пастор Лониган — приятный человек, которому нравится помогать ближним.

Люк и Пит сели за грубый деревянный стол. Исподтишка Люк разглядывал своего спутника. До сих пор он обращал внимание лишь на лохмотья и грязь на лице, но теперь заметил, что во внешности Пита не заметны следы давнего бродяжничества и пьянства: нет ни вздутых вен, ни сеточки лопнувших сосудов на лице, ни шрамов, ни синяков. Кроме того, он молод — на вид не больше двадцати пяти. Однако во внешности Пита была приметная особенность: продолговатое багровое родимое пятно, идущее от уха к нижней челюсти. Зубы неровные и бесцветные. Темные усы он, должно быть, отрастил, чтобы отвлекать внимание от плохих зубов — в те дни, когда еще заботился о своей внешности. Люк чувствовал в нем какой-то подавленный гнев. Наверное, думал он, Пит обижен на весь мир — из-за родимого пятна на лице или по какой-то иной причине. Может быть, он из тех, кто верит, что страну губят враги — будь то китайские мигранты, негры, возомнившие себя равными белым, или те десять безымянных богачей, что втайне правят рынком ценных бумаг.

— На что это ты уставился? — поинтересовался Пит.

Люк пожал плечами и промолчал.

На столе лежали газета, раскрытая на странице с кроссвордом, и огрызок карандаша. Люк бросил на нее рассеянный взгляд, затем взял карандаш и принялся заполнять пустые клеточки.

Тем временем подходили все новые бродяги. Миссис Лониган поставила на стол высокую стопку тарелок и выложила груду ложек.

Люк угадал все слова, кроме одного — «знаменитый датский аристократ», шесть букв. Пастор Лониган заглянул ему через плечо, при виде решенного кроссворда удивленно поднял брови и негромко проговорил жене:

— «О, что за гордый ум сражен!»¹

«Гамлет!» — сверкнуло в голове у Люка, и он вписал недостающее слово. А затем подумал: «Откуда я это знаю?»

Перевернув газету, он взглянул на первую страницу в поисках даты. Среда, 29 января 1958 года. Взгляд остановился на заголовке: «АМЕРИКАНЦЫ ОСТАЮТСЯ НА ЗЕМЛЕ». Он начал читать:

Мыс Канаверал, вторник. Вследствие технических проблем командование военно-морских сил США отменило уже вторую попытку запуска космической ракеты «Авангард».

Напомним, что первая попытка, состоявшаяся два месяца назад, окончилась провалом: «Авангард» взорвался в воздухе через две секунды после старта.

Теперь все надежды американцев запустить искусственный спутник Земли, который станет достойным соперником советскому спутнику, связаны с конкурентом «Авангарда» — ракетой-носителем «Юпитер».

Послышались звуки фортепиано, и Люк оторвал взгляд от газеты. Миссис Лониган наигрывала на рояле вступление к знакому гимну. Переглянувшись, они с мужем запели «Иисус — наш самый верный друг», и Люк начал подпевать, радуясь тому, что знает слова.

---

¹ Слова Офелии о Гамлете, акт III, сцена I, в русском переводе Т. Щепкиной-Куперник. (Прим. пер.)

Странную шутку сыграла с ним бутылка бурбона... Он может решить кроссворд, помнит церковный гимн — однако не помнит имени собственной матери. Быть может, он пьянствовал много лет, и в конце концов алкоголь нанес непоправимый ущерб его мозгу? Но как, как мог он так обойтись с самим собой?!

После гимна пастор Лониган прочел несколько стихов из Библии, а затем проникновенно сказал, что все они, здесь собравшиеся, могут спастись. Да уж, спасение этим людям не помешает, подумал Люк. Впрочем, сам он не испытывал желания положиться на Иисуса. Прежде чем искать Бога, хорошо бы найти самого себя.

Пастор прочел импровизированную молитву; все спели благодарение, выстроились в ряд с тарелками в руках, а миссис Лониган принялась раскладывать кашу по тарелкам и поливать сиропом. Люк съел три тарелки — и почувствовал себя гораздо лучше. Похмелье быстро отступало.

Ему не терпелось найти ответы на свои вопросы, и он обратился к пастору:

— Сэр, я ничего не помню о себе. Скажите, вы видели меня здесь прежде?

Лониган внимательно всмотрелся в него.

— По-моему, нет. Впрочем, каждую неделю здесь бывают сотни людей, и я могу ошибаться. Сколько вам лет?

— Не знаю, — ответил Люк, чувствуя себя круглым дураком.

— Мне кажется, под сорок. И вы определенно не долго живете на улице. Бродяжничество накладывает на человека определенный отпечаток. А у вас энергичная походка, кожа под слоем грязи чистая, и вы способны решить кроссворд. Бросьте пить, не откладывая, прямо сейчас — и сможете вернуться к нормальной жизни.

«Интересно, скольким бедолагам он уже говорил эти слова?» — подумал Люк.

— Постараюсь.

— Если вам понадобится помощь, обращайтесь.

Тут какой-то бродяга, судя по виду, умственно отсталый, принялся дергать пастора за рукав, и Лониган с терпеливой улыбкой повернулся к нему.

— Как давно ты меня знаешь? — спросил Люк у Пита.